Пьянству приписывает Олеарий частые убийства в России: «чаще всего совершаются они в большие праздники, преимущественно на масленой неделе, в течение восьми дней перед великим постом, когда русские целые дни пьянствуют до безумия» (стр. 188). Им же он объясняет частые несогласия в русских семьях: «Несогласия между супругами и даже побои происходят у русских или от того, что жены поносят мужей своих неприличными и бранными словами, на что они всегда бывают готовы, или от того, что жены пьянствуют чаще мужей» (стр. 212). «Духовные особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, так же как и миряне и крестьяне, часто встречаются пьяные. Хотя ни в одном монастыре не держится вина, водки, меду или крепкого пива, но только употребляется квас, то есть тонкое пиво, но монахи пользуются свободой в этом случае, когда выходят из монастыря, посещают своих добрых приятелей, причем не ограничиваются тем, что сильно выпивают в гостях, но требуют также, чтобы напитки отпустили с ними и домой, и часто они так напиваются, что только и можно по одежде отличить их от пьяных мирян» (стр. 183).

Олеарий описывает и свои впечатления от кабаков, отмечая, что они способствуют росту пьянства в народе и его обнищанию: «В бытность нашу в Москве там везде находились открытые питейные домы или кабаки, в которые всякий желающий имел вход и пил за свои деньги водку; при таком удобстве простой народ все, что зарабатывал, приносил в кабак, и так крепко засиживался там, что, пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, а затем, нагой, как родился, возвращался домой. В 1643 г., когда я был в Новгороде, и помещался в гостинице, что на Любецком дворе, недалеко от моего пребывания находился кабак, и тут-то случалось часто мне видеть, как эти напившиеся и пропившиеся молодцы выходили из кабака — кто без шапки, кто без сапог и чулок, а кто и в одной рубашке. Между прочим я заметил одного, который, пропивши кафтан, вышел из кабака в одной рубашке и, встретив на дороге хорошего приятеля, также направлявшегося к кабаку, опять вернулся с ним в кабак. Через несколько часов молодец мой вышел снова из кабака, но уже без рубашки, в одних портах. Когда я спросил его, где дел он рубашку, кто обобрал ее у него, он отвечал с прибавкою обычной матерной брани, что это сделал целовальник. Затем, заметивши, что где остались кафтан и рубашка, там могут остаться и порты, он вернулся опять в кабак и через несколько времени вышел оттуда уже совершенно наг. Сорвавши полную руку травы одуванчик, росшей около кабака, он прикрыл